
ТЕМА НОМЕРА: ГОРОД: КУЛЬТУРА, ПАМЯТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК: 398 + 75.044+ 784+ 792.97 DOI: 10.31249/hoc/2025.04.01

*Фаис-Леутская О.Д.**

К ВОПРОСУ О МЕСТАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СИЦИЛИИ¹©

Аннотация. В статье автор обращается к слабо освещенному в науке сюжету, а именно – к эмпирике мест памяти в городах Сицилии. Как показывают опросы респондентов, в эмическом видении населения эти места подразделяются на локусы культурной памяти (преимущественно архитектурные памятники или городские пространства) и на сосредоточия исторической памяти (здания эпохи фашизма; *исторические рынки* и руины, оставшиеся вследствие бомбардировок 1943 г.). Автор анализирует критерии, согласно которым объекты в видении населения превращаются в локусы той или иной памяти. Подобный подход позволяет подробно рассмотреть механизм формирования и изменения исторической и культурной памяти и связанные с ней коннотации.

Ключевые слова: Сицилия; города; памятники истории; памятники культуры; культурная память; историческая память; места памяти; видение населения; опыт непосредственно пережитого.

* *Фаис-Леутская Оксана Давидовна* – кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, Россия, Москва; oxana-fais@yandex.ru.

Fais-Leutskaja Oxana Davidovna – PhD in History, Leading Researcher at the Center of European Researches of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; oxana-fais@yandex.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках плана научно-исследовательских работ О.Д. Фаис-Леутской в Институте Этнологии и Антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Получена: 04.07.2025

Принята к печати: 03.09.2025

Для цитирования: Фаис-Леутская О.Д. К вопросу о местах исторической и культурной памяти в Сицилии // Вестник культурологии. – 2025. – № 4 (115). – С. 9–28. – DOI: 10.31249/hoc/2025.04.01

Fais-Leutskaia O.D.

**On the Question of Historical
and Cultural Memory Places in Sicily**

Abstract. In the article, the author addresses a subject poorly covered in scholarship, namely, the empiricism of memory sites in Sicilian cities. According to surveys of respondents, in the demographic vision of the population, these places are divided into loci of cultural memory (mainly architectural monuments or urban spaces), and into concentrations of historical memory (buildings of the fascist era; *historical markets* and ruins left as a result of the bombing of 1943). The author analyzes the criteria according to which objects in the vision of the population turn into a locus of that or other memory. This approach allows us to examine in detail the mechanism of formation and change of historical and cultural memory, and the associated connotations.

Keywords: Sicily; cities; historical monuments; cultural monuments; cultural memory; historical memory; places of memory; vision of the population; experience of the past.

Received: 04.07.2025

Accepted: 03.09.2025

For quoting: Fais-Leutskaia O.D. On the Question of Historical and Cultural Memory Places in Sicily // Herald of Culturology. – 2025. – N 4 (115). – P. 9–28. DOI: 10.31249/hoc/2025.04.01

В современном гуманитарном дискурсе проблема коллективной памяти, будь то память историческая или культурная, вошла в число приоритетных; вызывая живейший интерес у представителей различных дисциплин, она стала своего рода «темой для всех» [Хаттон 2003, с. 9]¹ и разрослась до масштабов обширного междисциплинарного научного поля. Невзирая на это, освещение эмпирики этого феномена в современных обществах (тем более в парадигме антропологии и культурологии) остается не только предельно дефицитным, но и достаточно односторонним (поскольку

¹ Здесь и далее перевод автора

чаще всего коллективная память исследуется в философско-социологическом ключе). Подобное положение вещей делает востребованным обращение к конкретике, частным случаям, анализ которых позволяет расширить понятийные и фактологические границы исследований коллективной памяти (или *memory studies*, если следовать номенклатуре, принятой в зарубежной науке).

В последние годы также актуализировалось исследование мест памяти¹ как агломератов исторической и культурной памяти, а также – путей детерминации этих локусов населением и ключей их «оснащения» собственной системой материальных и нематериальных знаков, символов и ценностей [см., напр.: Антропология города, 2013; Agier, 2015]. Эта проблематика весьма интересна, поскольку ее анализ позволяет осветить механизм и многоплановость процессов эмической интерпретации и коннотизации населением тех или иных элементов городского ландшафта (превращающих их в места памяти), а также затронуть вопрос конструирования коллективной (исторической и культурной) памяти населения, ее структурированности и качественной иерархичности.

В настоящей статье, опираясь на материалы наших многолетних полевых исследований (2000–2025)², мы хотим сосредоточить внимание на эмпирике современных проявлений исторической и культурной памяти, а также связанных с той и другой мест памяти в городах Сицилии, а главное – посмотреть, что вкладывается в эти понятия самим населением. Выбор этого региона, неоднократно выступавшего объектом нашего анализа, в качестве таргета исследования коллективной памяти неслучаен.

Дело в том, что «традиционно-высокий градус сохранности знаний и представлений о собственном прошлом, или... памяти, простирающейся далеко в глубь времени и скрупулезно фиксирующей события истории – много дальше и скрупулезней, нежели это можно констатировать сегодня в других регионах Европы» [Matvejevic 1988, p.19], отмеченный во всем мегарегионе Средиземноморья, в Сицилии достигает своего апогея [Budor ... , 2011, p. 10].

Существование подобной «сильной» коллективной памяти обусловлено различными факторами.

В первую очередь тем, что сицилийцам «есть что вспоминать» [Basile 2007, p. 64]: со времен древности остров представляет собой не только «лабораторию» активного культурного взаимодействия, обусловленного частотой, глубиной и интенсивностью

завоеваний, но и регион с богатейшей «внутренней» историей [Budor... , 2011, p. 15].

Необходимо упомянуть и сугубую консервативность Сицилии, благодаря которой сохранились многие материальные и нематериальные свидетельства прошлого. Как подчеркивают исследователи, в силу очень насыщенной событиями и «оставившей свой материальный след» истории, повышенной социокультурной устойчивости и социокультурной же инерции, а также специфики урбанистической политики властей и т.д., Сицилия обнаруживает один из наиболее высоких в Италии индексов «насыщенности городов памятниками прошлого, порой очень далекого», консервации этого историко-архитектурного наследия (включающего не только материальные объекты, но и общественные пространства – улицы, площади и т.д.), а также сохранения его «живого характера», связанного с «органичной “вплетенностью” реликтов прошлого в ткань современной повседневной жизни полисов» [Barbera, Culotta, 2017, p. 139].

Важную роль играет наличие очень устойчивой устной традиции фиксации и передачи событий, обусловленной крепостью межпоколенных связей и сильнейшей культурной преемственностью (об этом упоминал еще такой видный этнограф, как Дж. Питре [Pitrè, 1870, p. XXV]). Не следует забывать и особенности психологии и мировидения населения, его категорическую «повернутость назад», «ориентированность на историю» [Randazzo, 1985, p. 53, 57], исповедуемый им «культ былого» [Billitteri, 2003, p. 189], переживаемую всеми сицилийцами «коллективную ностальгию по прошлому», представляющую собой, согласно А. Аппадурю, фактор этнической/национальной консолидации общности [Appadurai, 2001, p. 28]).

Однако прежде, чем мы перейдем к анализу мест памяти в городах Сицилии как сосредоточий культурной (исторической) памяти, предварим его кратким отступлением.

Как показали живые наблюдения, беседы с сицилийскими коллегами и анализ ряда итальянских научных работ [см., напр. : Barilaro 2009; Barbera, Culotta, 2017; Tessitore 1989; Severi 2004], представители академического сообщества Юга Италии, в частности, Сицилии, следуя установившейся традиции, как в обиходном общении, так и в процессе научного поиска и в освещении его результатов оперируют, как правило, неким общим понятием «исторической памяти», и, на словах разграничивая, фактически смешивают и синкретизируют два концепта – собственно «историческую

(коллективную) память», (концепт введен философом и социологом М. Хальбваксом) [Хальбвакс, 2005], и «культурную память» – «детище» историка Я. Ассмана [Ассман, 2004] (позже концепт углублен его супругой А. Ассман), [Assmann, 2015] – невзирая на то, что эти понятия объективно имеют отличия и разделяются как отечественными, так и зарубежными исследователями [см., напр.: Рагозина, 2017; Fiamingo, 2015].

Данные проводившихся до 2020 г. опросов, касавшихся в целом коллективной памяти, дали нам основание полагать, что и в эмпирическом видении широких слоев населения эти два понятия во многом сведены воедино, и между ними не делается особых различий.

Однако результаты недавних (2020–2025 гг.), более углубленных и «специально-ориентированных» анкетирований, посвященных местам памяти в Сицилии, подтвердив прежние оценки воззрений людей науки на коллективную память, заставили пересмотреть взгляды на позиции среднестатистического сицилийца. Так, рядовые респонденты, стоило им дойти до вопросов детерминации мест памяти и их конкретных примеров, начали четко размежевывать исторические и культурные мемориалы, указывая различные коннотации тех и других, и, отталкиваясь от конкретных примеров, разграничивали понятия исторической и культурной памяти (чего не делали ранее). Кроме того, свежие данные пролили свет и на датируемую последним десятилетием динамику роста носителей культурной памяти в Сицилии.

Чтобы проиллюстрировать вышесказанное, обратимся к результатам наших полевых изысканий, выбрав в качестве непосредственного объекта исследования Палермо, административный центр Сицилии.

Начнем с культурной памяти. Как показывают результаты опросов 2024–2025 гг., «наличие» ее у себя признала преобладающая часть респондентов (97% от всего массива опрошенных). В попытке расшифровать это понятие, большинство дали ему вполне каноническое (почти по Я. Ассману) определение, дефинировав его как представления о прошлом, закрепленные в культуре и видимые обществу (а также влияющие на него) через посредство культурных символов, которые, раз возникнув, сохраняются в течение жизни многих поколений [ПМА, 2025]. В качестве таких символов и «мест культурной памяти» респонденты указывали в основном многочисленные и имеющие солидный возраст элементы городского пейзажа – здания (храмы, монастыри, палаццо, вил-

лы, жилые дома и т.д.), структуры (стены, мосты), общественные пространства (улицы, площади, дороги и т.д.) [ПМА, 2024–2025].

В этой связи уместно вновь вспомнить, что культурный ландшафт Палермо (но и прочих сицилийских городов, большинство из которых было основано в VIII в. до н. э. в ходе греческой, финикийской и карфагенской колонизации острова) очень насыщен памятниками прошлого, многие из которых восходят к глубокой древности, в частности, ко времени основания полиса. Речь идет о постройках разнообразных архитектурных стилей (мавританского; арабо-норманнского, готического, барокко, модерн), а также о сохранившихся до сегодняшнего дня материальных воплощениях архаичных принципов организации городского пространства, возникших в различные эпохи, во многом под влиянием культуры завоевателей (Финикии, Древней Греции, Византии, арабо-берберов, норманнов, швабов, испанцев, Габсбургов и т.д.) [Barbera, Culotta 2017, p.139].

В ходе опросов, стремясь наиболее полно раскрыть свое понимание концептов «культурная память» и «место культурной памяти», респонденты подчеркивали, что, на их взгляд, они связаны более со знаниями, образованием и культурным багажом, позволяющими «видеть» и «понимать», нежели с «личными переживаниями»; «культурная память» предполагает способность высоко оценивать культурно-историческое прошлое и уникальность вышеперечисленных памятников, знать исторические контексты их появления, восхищаться красотой этих объектов, в лучшем случае – прочитывать заложенную в них и переносимую ими культурно-историческую информацию, и, строго говоря, является не «памятью», а «видением», «созерцанием» [ПМА, 2024]. Таким образом, для большинства опрошенных понятие «культурная память», имеет достаточно суженный дискурсивный ракурс прочтения и трактовки и не предполагает обобщений.

Неслучайно в качестве примеров мест культурной памяти респондентами была перечислена отнюдь не вся совокупность составляющих богатого культурного наследия региона, а лишь конкретные крупные, наиболее древние и известные, сугубо материальные культурные достопримечательности исключительно своего хабитата (чаще всего здания).

Применительно к Палермо речь идет о таких знаковых архитектурных сооружениях, как, например, Дворец норманнов (Palazzone dei Normanni), Кафедральный собор (La Cattedrale), арабский дворец Дзиза (Ziza), арабо-норманнская церковь Марторана (La

Martorana) (рис.1), но также и о площади-перекрестке Четыре Угла (Quattro Canti), о древней улице Кассаро (Cassaro), об арке Кутò на улице Македа (arco Curtò), о каменных городских воротах (например, Porta Sant'Agata), и т.д. [ПМА, 2024–2025]. Такой выбор и ограничение мест культурной памяти строго определенными объектами свидетельствует об отмечаемых исследователями «чертах в характере, ментальности, поведении и мировидении сицилийцев», например, об их «туннельном зрении» и «тяге к конкретизации, которая парадоксальным образом часто приводит к еще большей деконкретизации и абстрактизации (вплоть до полного размывания!) многих и без того отвлеченных понятий» [Muscarà, Romano 2021, p. 6].

Рис. 1. Церковь Марторана (Санта-Мария-дель-Аммиральо) (1143 г.) – место культурной памяти. Палермо. Ноябрь 2024 г.

Фото О.Д. Фаис-Леутской

Интересен и тот факт, что достаточно высокое число (60%) респондентов, вне зависимости от возраста, социальной принадлежности и культурно-образовательного уровня, подчеркивают, что, на их взгляд, «культурная память» – понятие «достаточно

умозрительное», «отвлеченное» [ПМА, 2024–2025]: ни «культурная память», ни «места (культурной) памяти» не должны рождать сильных чувств (кроме эстетических), они воспринимаются «головой», а не «сердцем» и не связаны ни с переживаниями, ни с личной практикой – в противном случае они становятся «объектами исторической памяти» [ПМА, 2025].

Показательно также, что в качестве образцов мест культурной памяти в большинстве ответов не фигурировали, например, ни многочисленные музеи города, ни известные театры (например, легендарный театр Массимо), ни библиотеки, т.е. точки культуры, знакомство с которыми требует чего-либо большего, чем просто пассивного лицезрения – например, «активного включения, поглощения и “переваривания” культурного материала» [Giacomata, 2007, p. 22]; подобный отбор примеров в ходе опросов выдает отмечаемую исследователями подспудную склонность сицилийцев к созерцательности и пассивности в освоении культурного материала [ibid].

Именно присутствие/отсутствие непосредственного индивидуального (много реже в ответах фигурировал групповой, коллективно-пережитый), но, главное, прочувствованного («испытанного на собственной шкуре») опыта становится таким образом для населения Сицилии основным критерием разграничения видов памяти, делая локусы ее концентрации местами, соответственно, исторической или культурной памяти [ПМА, 2025].

И хотя многие респонденты в ходе опросов 2024–2025 гг., выходя за рамки сугубо личностного восприятия, апеллировали к коллективной памяти и именовали места культурной памяти символами объединения всех сицилийцев в единую общность [ПМА, 2025], тем не менее отмеченные нами рассуждения опрошенных красноречиво подтверждают версию исследователей о доминантах островного мировосприятия: предрасположенности населения к абсолютизации и экстраполяции индивидуального, персонального опыта [Giacomata, 2007, p. 23] и к склонности к эмпиризму [Muscarà, Romano, 2021, p. 4].

Остановимся еще на одном интересном явлении, а именно – на динамике очевидного разрастания группы тех, кто позиционирует себя «носителем культурной памяти», а также подтверждает при опросах свою готовность говорить на тему культуры. Речь идет не просто о численном увеличении лиц, декларирующих «радость» и «эстетическое удовольствие» от встречи с какими-либо монументами культуры (так, например, накануне «эпохи ковида»

число их составляло 78% от общего числа наших респондентов [ПМА, 2017–2019], а в 2005 г. – всего 53% от всего массива опрошенных [ПМА, 2005]), но также о расширении социальных границ этой категории населения, причем за счет представителей народных слоев населения [ПМА, 2025].

В контексте Сицилии подобная тенденция роста приобретает особую значимость. Дело в том, что речь идет о регионе, где с глубокой древности отмечался повышенный уровень высокой культуры и образованности, тем более в городах, но где они исторически, вплоть до недавнего времени, представляли собой социально-стратифицированное и социально-маркированное явление, коннотировавшее преимущественно с определенной прослойкой общества, а именно, с представителями аристократии, интеллектуальной и имущественной элиты, а также интеллигенции [Frazzica, 2010, p. 22; Тоттеб, 2007, p.13].

Что же касается народных слоев населения, в численном и социальном отношении составляющих подавляющее большинство сицилийского социума (что неудивительно в этом аграрном и по преимуществу сельском регионе), то даже на излете XX в. показатели уровня грамотности в этой среде были одними из наиболее низких в Италии [D'Agostino, Paternostro, 2013, p. 421] (согласно данным ОБСЕ, и сегодня в Сицилии проблема народной грамотности не потеряла остроту: число не умеющих читать и писать лиц достигает рекордной для Италии и Европы цифры в 300 тыс. [Cirino, 08.11.2022], что составляет примерно 10% взрослого населения ([Le province ... , 01.01.2023])). Кроме того, ввиду сильнейшей и сегодня сохраняющейся социальной стратификации общества для народных слоев населения вплоть до недавнего времени оставались вполне витальными морально-этические «самозапреты» приобщения к культуре и ценностям других, «высших сословий».

Именно поэтому мы придаем столь большое значение и факту роста численности лиц, признающих в личной «открытости» достижениям культуры, и расширению социальных границ этой категории населения. Эти метаморфозы во многом есть результат определенной культурной политики властей Сицилии, являющейся, в свою очередь, следствием исторических событий середины XX в., в частности, подавления итальянскими властями островного движения за независимость региона [Ferrara, 2013, p. 130; Lo Piccolo, 2018].

В этой связи уместно вспомнить концепцию социолингвиста Ф. Арросси, согласно которой культурное поведение любой общности детерминируется двумя факторами: спонтанным (неосознанным) использованием культурных ценностей «внизу», в среде носителей и пользователей – и политикой в сфере культуры, осуществляемой «свыше» государством/локальной администрацией [Arrossi, 2017, p. 3]. Эта концепция вполне применима к Сицилии, где начиная с 70–80-х годов властями планомерно и целенаправленно проводится политика культурного просвещения населения, внедрения и популяризации в его среде знаний о себе и о «своем» культурном наследии с целью стимулирования чувства региональной идентичности, усиления гордости за себя и свою культуру, и одновременно наблюдается процесс вполне успешного прорастания посеянных властями семян и ощутимо усиливается тяга всех слоев населения, включая народные, к культуре (что не в последнюю очередь связано со стихийным укоренением и усилением среди населения идентитарных настроений). В 90-е годы XX в. этот разворот народа к знаниям и культуре отмечал сицилийский писатель Л. Шаша большой знаток островной жизни [Sciascia, 1996, p. 120], сегодня об интенсификации идущего «снизу» интереса к собственным истории и культуре говорят антропологи [Giacomarra, 2007, p. 36].

Разрастание сегмента респондентов, свободно рассуждающих о местах культурной памяти, за счет информаторов «из народа» есть, таким образом, отражение необычного феномена «нарастающей со второй половины XX в. повышенной информированности всего населения в отношении событий собственных истории и культуры», присущей Сицилии в отличие от других областей Италии [Santaromita Villa, 2010, p. 11]. Как точно указывает антрополог А. Кузумано, сегодня наблюдается «переформатирование памяти» у широких, включая народные, слоев населения, ее «формирование наново за счет просвещения, насыщения информацией, культурой, историческими фактами и знаниями», позволяющее переосмыслить «как “свое”, органичное и пережитое» то, «что еще недавно было неизвестным» [Cusumano, 2020, p. 10].

Переходя к вопросу о местах исторической памяти, отметим, что касающиеся их ответы респондентов выглядят значительно более определенными, униформными, социально-универсальными, а также неизменными (на всем протяжении времени проведения опросов). В качестве таковых мест во всей Сицилии (и, конкретно, в Палермо) все 100% опрошенных единодушно указывают

3 объекта: *исторические рынки*, здания эпохи фашизма и руины зданий, разрушенных бомбардировками Сицилии союзниками в 1945 г. [ПМА, 2000–2025] (рис. 2). В отношении последних следует сказать, что Сицилия остается сегодня одним из немногих регионов мира, где сохранились многочисленные развалины эпохи Второй мировой войны, особенно в Палермо [Rothier, 30.06.2019]; их неустранение в течение многих лет было обусловлено вначале нехваткой средств и отсутствием финансирования, но с 80-х годов XX в. начало «обыгрываться» властями региона как акт консервации коллективной памяти населения [Bellomo, Picciotto, 2016, p. 21].

**Рис. 2. Развалины на Форо Италико, Палермо. Ноябрь 2024 г.
Фото О.Д. Фаис-Леутской**

Отметим, что объекты, связанные с военным временем, фигурировали в ответах респондентов различных возрастов – от наиболее пожилых до самых молодых (т.е. от тех, кто в силу возраста имеет непосредственное отношение к стоящим за этими объектами историческим реалиям, лично помнит и «пережил» их, – и тех, кто знает о них понаслышке).

Неудивительно, что эпоха фашизма массово вызывает в Сицилии дурные воспоминания – на острове этот исторический период сопряжен с негативными коннотациями более, чем где-либо еще в Италии. Связано это с тем, что, согласно взятому Муссолини курсу на унификацию страны, в Сицилии, где идеи фашизма не пользовались популярностью, уже с 30-х годов XX в. начались сильные гонения на локальные язык и культуру, усугублявшиеся также массовыми репрессиями в отношении всего населения острова; официально это объяснялось необходимостью декларированной дуче борьбы с мафией, но фактически было обусловлено стремлением подавить охватившие весь социум сепаратистские настроения [Turri, 2022, p. 12].

Не вызывает удивления и тот факт, что негативные коннотации при виде зданий, отмеченных фашистской символикой или характерным архитектурным стилем, присутствуют у пожилых людей, еще помнящих эпоху Муссолини и сохраняющих отрицательные воспоминания и о том времени вообще, и о собственном негативном опыте пережитого. Именно эти объекты, согласно ответам респондентов, представляют собой «отсылки к тяжелому грузу, к страху, горечи, утратам в судьбе каждого» [ПМА, 2024].

Еще менее удивляет отрицательное восприятие пожилыми людьми руин, негативная символизация этих объектов и превращение их в место «тяжелой памяти» [ПМА, 2025]. За этим стоит сильнейший травмирующий опыт – персональный и коллективный: гнетущие воспоминания о бомбардировках Сицилии союзниками, приведших к массовым разрушениям и многочисленным жертвам, память о лично пережитом (рис. 3).

Впечатляет, что перечисленные объекты являются местами исторической, причем негативной памяти и для подрастающего поколения. По признанию представителей самой молодой возрастной подгруппы, речь идет о «присвоении чужих воспоминаний и превращении их в собственные», а также об «освоении чужого опыта», его объективизации и «наполнении персональным смыслом и личной значимостью» [ПМА, 2025], что во многом обуславливается тесными внутрисемейными связями и плотными межпоколенческими контактами, доверием молодых к старшим и сопереживанием опыту близких людей, заложенных в кодексе сохраняющихся и сегодня сицилийских традиционных поведенческих канонов, и соблюдением осознанных (а часто и бессознательных) норм внутрикланового поведения; эти выводы подтверждают

и исследователи сицилийской семьи как социального феномена [Raffaele, 2000, p. 24].

**Рис. 3. Развалины на улице Кассаро, Палермо. Февраль 2025 г.
Фото О.Д. Фаис-Леутской**

Таким образом, следуя привычной схеме ассимиляции передаваемой по наследству информации, молодежь нередко начинает видеть исторические события прошлого, в том числе и воплощающие их артефакты и материальные доказательства (здания эпохи фашизма, руины) глазами старших, «наследуя также и их оценочные критерии, и систему коннотаций», что выливается в «оформление внутри семьи единых клановых гомогенных и униформных представлений» [ibid., p.25].

Резюмируя, можно сказать, что, как и в случае с культурной памятью и локусами ее концентрации, детерминация мест исторической памяти для большинства населения Сицилии (о чем свидетельствует массовость и однотипность ответов респондентов) в первую очередь связана с непосредственным, личностным, эмпирическим опытом индивида (неважно, персонально пережитым им – или «транслированным» от близких людей в форме воспомина-

ний и осозанным в отрыве от реального бэкграунда). Однако, апеллируя в первую очередь к персональному опыту и личным образам прошлого, респонденты, как показали опросы последних лет, все же стали допускать возможность существования коллективной исторической памяти, видя в ней фактор консолидации общности и «систему взглядов, разделяемой множеством», а локусы исторической памяти интерпретировали как точки, в которых «фокусируются одинаковые взгляды многих представителей единого целого» [ПМА, 2025].

Наконец, в завершение статьи, остановимся на таком месте исторической памяти (в видении населения Сицилии), как *исторические рынки*.

Речь идет об очень древних по происхождению уличных базарах под открытым небом, в основном продовольственных, существующих практически во всех сицилийских городах (в Палермо функционируют четыре таких рынка). Основанные преимущественно в IX–X вв., они представляют собой совокупность торговых кварталов в историческом центре городов; эти торжища, именуемые также *mircatu ri grascia* (сиц. *грязные рынки*), и сегодня остаются в границах своих исконных ареалов (рис. 4).

Рас. 4. Одна из «магистралей» исторического рынка Балларò, Палермо. Февраль 2025 г. Фото О.Д. Фаис-Леутской

Очень популярные среди населения, они сохраняют свои древнейшие структуры, черты и принципы функционирования. Об этом свидетельствуют, например, моногендерность этих торговых структур, восходящая к античным мужским союзам на острове и отвечающая духу патриархальности, царящей в сицилийском социуме – на *исторических рынках* по традиции продают и покупают только мужчины, тогда как появление там женщин, хотя и не табуируется, но и не приветствуется. На рынках циркулируют только «живые» деньги, а торговля ведется исключительно продуктами «своего», узколокального происхождения; рекламные крики торговцев, *abbaniate*, и фонетически, и текстуально представляют собой древнейшие, не менявшиеся в веках топосы [Bonanzinga, 2007, p. 94–110], а архаичные по своему происхождению блюда рыночной кухни суть реликты удаленной во времени и исчезнувшей повсеместно уличной народной кухни [Giallombardo, 2007, p. 133–138]. Нормы же рыночной автономии восходят к принципам самоуправления средневековых ремесленных и торговых цехов и корпораций [Settineri, 2020, p. 7] и т. д.

По признанию всех 100% респондентов во всей Сицилии, в частности, в Палермо на протяжении всех лет проведения опросов именно глубокий архаизм рынков обуславливает их притягательность для населения и является основной причиной отнесения их сицилийцами к числу мест исторической памяти [ПМА, 2020–2025]. Именно *исторические рынки* в условиях все большей модернизации жизни социума и все большего размывания существовавшей еще недавно традиционной культуры для «повернутого в прошлое» населения являются своего рода пространствами «замершего времени», позволяющими погрузиться в «иные пространства», «историю – собственную и своего города», былое, воспоминания детства, мир, увиденный в раннем возрасте или описанный еще родителями и дедами [ПМА, 2025]. Мнение респондентов подтверждают и исследователи традиционных форм торговли в Сицилии, отмечающие, что *исторические рынки* «в условиях распыления традиционности и наступления унифицирующей культуры глобализма и постглобализма» не только обеспечивают «сохранение культурного иммунитета и памяти о своей исторической и культурной самости», но и являются «местами, где одновременно концентрируется память о прошлом и оформляется позволяющее идти дальше чувство идентичности и сопричастности единому пласту истории и культуры» [Barilaro, 2009, p. 11].

Не абсолютизируя значимость приведенных нами результатов работы в поле и осознавая, что рассмотренный эмпирический материал все же не может в полной мере считаться безоговорочным подтверждением отмеченной нами специфики восприятия и интерпретации сицилийским социумом понятий «коллективная память» и «места памяти», мы тем не менее полагаем интересными, репрезентативными и значимыми полученные нами эмпирические данные, которые, как и любые другие социокультурные данные, как это утверждал культуролог К. Гиртц, могут быть маркерами происходящих в обществе процессов, средством передачи и восприятия его смысла, культуры, «абстракции опыта» [Geertz, 1973, p. 89].

Примечания

¹ Места памяти – термин и концепт, введенный в узус историком П. Нора [Nora, 1984–1992].

² Нами применялись методы включенного наблюдения, свободной беседы, а также интервьюирования с применением опросников; ввиду большого объема в рамках статьи, к сожалению, не представляется возможным воспроизвести их. Отметим лишь, что на протяжении всех лет проведения исследования не менялись ни численность, ни состав всего опросного массива, в том числе и социальный, из года в год мы работали с одними и теми же респондентами – такой принцип работы был избран, чтобы отследить возможную эволюцию взглядов опрошенных и динамику изменений ответов; неизменным оставалось и разделение информантов на подгруппы в зависимости от их социальной принадлежности.

Список литературы

Исследования

Appadurai A. Modernità in polvere. – Sesto San Giovanni (MI): Meltemi. 2001. – 280 p.

Arrossi F. Introducción / Bein R. (ed.). Legislación sobre lenguas en la Argentina. Manual para docentes. (Proyecto UBACyT 2011–2017 «El derecho y la palabra: perspectiva glotopolítica de las desigualdades/diferencias») // *Linguasur.com.ar*. – 2017. – P. 3–9. – URL: <https://linguasur.com.ar/panel/archivos/8e7b4dd361b63f707ab820a8c595f447manual-para-docentes.pdf> (date of request: 20.11.2019).

Barbera G., Culotta S. Vivere oggi il paesaggio mediterraneo // *Caminnecci V., Parello M.C., Rizzo M.S.* (a cura di). La persistenza della memoria. Vivere oggi il paesaggio storico (Atti di IX Giornate Gregoriane, Agrigento 27–28 novembre 2015). – Roma : L'Erma di Bretschneider. 2017. – P. 137–143.

Barilaro C. I luoghi della memoria e dell'identità culturale. Fiere, mercati e sagre dei Nebrodi // *Geotema*. – 2009. – N. 38. – P. 11–17.

- Basile G.* Palermo felicissima...(atto secondo). – Palermo : Flaccovio, 2007. – 221 p.
- Bellomo A., Picciotto C.* Bombe su Palermo: Cronaca degli attacchi aerei 1940–1943. – Zanica (Bg) : Soldiershop Publishing, 2016. – 270 p.
- Billitteri D.* Homo Panormitanus. Cronaca di un'estinzione impossibile. – Palermo : Sigma, 2003. – 223 p.
- Bonanzinga S.* Il teatro dell'abbondanza. Pratiche di ostensione nei mercati siciliani // Sorgi O. (a cura di). Mercati storici siciliani. – Palermo : Regione Siciliana, 2007. – P. 81–118.
- Budor D.* et De Paulis-Dalembert M.-P. (dir.). Sicile(s) d'aujourd'hui. – Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2011. – 228 p.
- Cusumano A.* Per fili e per segni. Un percorso di ricerca. – Palermo : Museo Marionette A. Pasqualino, 2020. – 487 p.
- D'Agostino M., Paternostro G.* Parlanti e società dall'Unità ai nostri giorni // G. Ruffino (a cura di). Lingua e cultura in Sicilia. – Palermo : Centro di Studi Filologici e Linguistici Siciliani, 2013. – P. 413–493.
- Ferrara O.* Memorie di guerra. – Roma : IBN, 2013. – 176 p.
- Frazzica G.* Rappresentazioni della Sicilia. Un'indagine quali-quantitativa. – Milano : Franco Angeli, 2010. – 172 p.
- Geertz, C.* The Interpretation of the Cultures. – New York : Basic Books, 1973. – 478 p.
- Giacomarra M.G.* Fare cultura in Sicilia. Percorsi di sociologia dei processi culturali. – Caltanissetta-Roma : Salvatore Sciascia, 2007. – 174 p.
- Giallombardo F.* La cucina di strada a Palermo // Sorgi O. (a cura di). Mercati storici siciliani. – Palermo : Regione Siciliana, 2007. – P. 133–146.
- Lo Piccolo A.* Il movimento separatista siciliano // Storico.org. – 2018. – URL: http://www.storico.org/seconda_guerra_mondiale/movimentoseparatista_siciliano.html/.
- Matvejevic P.* Il Mediterraneo e l'Europa. – Milano : Garzanti, 1988. – 136 p.
- Muscarà M., Romano A.* Patrimonio culturale, memoria collettiva e narrazioni identitarie nelle scuole siciliane // Metis. – 2021. – Vol. 11, N. 1 – P. 2–20.
- Nora P.* Les Lieux de Mémoire. 3 voll. – Paris : Gallimard, 1984–1992. – 4751 p.
- Raffaele S.* Famiglie e senza Famiglia. Strutture familiari e dinamiche sociali nella Sicilia moderna. – Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 2000. – 240 p.
- Raffaelli S.* Le parole proibite. Purismo di Stato e regolamentazione della pubblicità in Italia (1812–1945). – Bologna : Il Mulino, 1983. – 272 p.
- Randazzo S.B.* Sicilianità. Subcultura, tradizioni, ethos e comportamenti, tendenzialità. – Palermo: EDI OFTES, 1985. – 344 p.
- Resta C.* Geofilosofia del Mediterraneo. – Messina : Mesogea, 2012. – 160 p.
- Santaromita Villa A.* Frammenti di cultura popolare. – Brolo (Me) : Armenio, 2010. – 119 p.
- Sciascia L.* Il seme nero: Storia e memoria in Sicilia. – Messina : Sicania, 1996. – 178 p.
- Settineri D.* Migrations, Power and Urban Spaces in Sicily Though an Ethnographic Case Study // Вестник антропологии. – 2020. – N 4 (52). – С. 7–19.
- Severi C.* Il percorso e la voce. Un'antropologia della memoria. – Torino: Einaudi, 2004. – 337 p.

Tessitore F. Letture quotidiane. La memoria storica. – Napoli : Editoriale Scientifica, 1989. – 377 p.

Torre S. Sperimentazione e controllo. Potere, produzione del territorio e geografie della Sicilia// *Storicamente.* – 2007. – Vol. 3. –No. 8. – 25 p. – DOI: 10.1473/stor395. – URL: <https://storicamente.org/03torre>.

Источники

ПМА (Полевые материалы автора) – результаты опросов в городах Сицилии (Палермо, Трапани, Рагуза, Катания, Калтаниссета, Агридженто, Мессина) 2000–2025 гг. Опросная группа 612 человек (из них в Палермо – 314 человек).

Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / под ред. Ю.П. Шаббаева, И.Л. Жеребцова. – Сыктывкар : Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. – 192 с.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

Рагозина Т.Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 3 (15). – С. 12–21.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 40–41(2–3). – С. 8–27.

Хаттон П. История как искусство памяти. – Санкт-Петербург : «Владимир Даль», 2003. – 423 с.

Agier M. Anthropologie de la ville. – Paris : PUF, 2015. – 248 p.

Assmann A. Ricordare. Forme e mutamenti della memoria culturale. – Bologna : Il Mulino, 2015. – 472 p.

Cirino F. Allarme analfabeti in Sicilia, per l'Ocse sono 300 mila // Palermo Today. – 08.11.2022. – URL: <https://www.palermotoday.it/cronaca/analfabeti-dati-ocse-sicilia-cgil-palermo.html> (date of request: 16.12.2023).

Fiamingo C. (a cura di). Culture della memoria e patrimonializzazione della memoria storica. – Trezzano sul Naviglio (MI) : Unicopli, 2015. – 295 p.

Le province siciliane per popolazione // Tuttitalia. – 01.01.2023. – URL: <https://www.tuttitalia.it/sicilia/26-province/popolazione/> (date of request: 12.01.2024).

Pitrè G. Canti popolari siciliani. Vol. 1. – Palermo : Pedone–Lauriel, 1870. – 452 p.

Rothier W. Palermo, ancora distrutta? // Historia Palermo. – 30.06.2019. – URL: <https://historiapalermo.it/palermo-ancora-distrutta/>.

Turri M. (Canepa A.). La Sicilia ai siciliani. – Milano : Magenes, 2022. – 69 p.

References

Appadurai, A. *Modernità in polvere.* – Sesto San Giovanni (MI), Meltemi Publ., 2001. 280 p. (In Italian)

Arrossi, F. Introducción. Bein R. (ed.). Legislación sobre lenguas en la Argentina. Manual para docentes. (Proyecto UBACyT 2011–2017 «El derecho y la palabra: perspectiva glotopolítica de las desigualdades/diferencias»). In *Linguasur.com.ar.* 2017.

- P. 3–9. URL – <https://linguasur.com.ar/panel/archivos/8e7b4dd361b63f707ab820a8c595f447manual-para-docentes.pdf> (date of request: 20.11.2019). (In Italian)
- Barbera, G., Culotta, S. Vivere oggi il paesaggio mediterraneo. In *Caminnecci V., Parello M.C., Rizzo M.S. (a cura di). La persistenza della memoria. Vivere oggi il paesaggio storico (Atti di IX Giornate Gregoriane, Agrigento 27–28 novembre 2015)*. Roma, L'Erma di Bretschneider Publ., 2017. P. 137–143. (In Italian)
- Barilaro, C. I luoghi della memoria e dell'identità culturale. Fiere, mercati e sagre dei Nebrodi. In *Geotema*, no. 38, 2009, pp. 11–17. (In Italian)
- Basile, G. *Palermo felicissima...(atto secondo)*. Palermo, Flaccovio Publ., 2007. 221 p. (In Italian)
- Bellomo, A. Picciotto, C. *Bombe su Palermo: Cronaca degli attacchi aerei 1940–1943*. Zanica (Bg), Soldiershop Publishing, 2016. 270 p. (In Italian)
- Billitteri, D. *Homo Panormitanus. Cronaca di un'estinzione impossibile*. Palermo, Sigma Publ., 2003. 223 p. (In Italian)
- Bonanzinga, S. Il teatro dell'abbondanza. Pratiche di ostensione nei mercati siciliani. In *Sorgi O. (a cura di). Mercati storici siciliani*. Palermo, Regione Siciliana Publ., 2007, pp. 81–118. (In Italian)
- Budor, D. et De Paulis-Dalembert, M.-P. (dir.). *Sicile(s) d'aujourd'hui*. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle Publ., 2011. 228 p. (In Italian)
- Cusumano, A. *Per fili e per segni. Un percorso di ricerca*. Palermo, Museo Marionette A. Pasqualino Publ., 2020. 487 p. (In Italian)
- D'Agostino, M., Paternostro, G. Parlanti e società dall'Unità ai nostri giorni. In *G. Ruffino (a cura di). Lingua e cultura in Sicilia*. Palermo, Centro di Studi Filologici e Linguistici Siciliani Publ., 2013, pp. 413–493. (In Italian)
- Ferrara, O. *Memorie di guerra*. Roma, IBN Publ., 2013. 176 p. (In Italian)
- Frazzica, G. *Rappresentazioni della Sicilia. Un'indagine quali-quantitativa*. Milano, Franco Angeli Publ., 2010. 172 p. (In Italian)
- Geertz, C. *The Interpretation of the Cultures*. New York, Basic Books Publ., 1973. 478 p.
- Giacomarra, M.G. *Fare cultura in Sicilia. Percorsi di sociologia dei processi culturali*. Caltanissetta-Roma, Salvatore Sciascia Publ., 2007. 174 p. (In Italian)
- Giallombardo, F. La cucina di strada a Palermo. In *Sorgi O. (a cura di). Mercati storici siciliani*. Palermo, Regione Siciliana Publ., 2007, pp. 133–146. (In Italian)
- Lo Piccolo, A. Il movimento separatista siciliano. In *Storico.org*. 2018. URL: http://www.storico.org/seconda_guerra_mondiale/movimentoseparatista_siciliano.html/. (In Italian)
- Matvejevic, P. *Il Mediterraneo e l'Europa*. Milano, Garzanti Publ., 1988. 136 p. (In Italian)
- Muscarà, M., Romano, A. Patrimonio culturale, memoria collettiva e narrazioni identitarie nelle scuole siciliane. In *Metis*. Vol. 11, no. 1, 2021, pp. 2–20. (In Italian)
- Nora, P. *Les Lieux de Mémoire. 3 voll.* Paris, Gallimard Publ., 1984–1992. 4751 p. (In Italian)
- Raffaële, S. *Famiglie e senza Famiglia. Strutture familiari e dinamiche sociali nella Sicilia moderna*. Napoli, Edizioni Scientifiche Italiane Publ., 2000. 240 p. (In Italian)
- Raffaelli, S. *Le parole proibite. Purismo di Stato e regolamentazione della pubblicità in Italia (1812–1945)*. Bologna, Il Mulino Publ., 1983. 272 p. (In Italian)

Randazzo, S.B. *Sicilianità. Subcultura, tradizioni, ethos e comportamenti, tendenzialità*. Palermo, EDI OFTES Publ., 1985. 344 p. (In Italian)

Santaromita Villa, A. *Frammenti di cultura popolare*. Brolo (Me), Armenio Publ., 2010. 119 p. (In Italian)

Sciascia, L. *Il seme nero: Storia e memoria in Sicilia*. Messina, Sicania Publ., 1996. 178 p. (In Italian)

Settineri, D. Migrations, Power and Urban Spaces in Sicily Through an Ethnographic Case Study. In *Vestnik antropologii*, no. 4 (52), 2020, pp. 7–19.

Severi, C. *Il percorso e la voce. Un'antropologia della memoria*. Torino, Einaudi Publ., 2004. 337 p. (In Italian)

Tessitore, F. *Lecture quotidiane. La memoria storica*. Napoli, Editoriale Scientifica Publ., 1989. 377 p. (In Italian)

Torre, S. Sperimentazione e controllo. Potere, produzione del territorio e geografie della Sicilia. In *Storicamente*. Vol. 3, no. 8, 2007, 25 p. DOI: 10.1473/stor395. URL: <https://storicamente.org/03torre>. (In Italian)